

Я З Ы К

СБОРНИК СТАТЕЙ О СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ДИСКУРСА

Е. А. БЕЛЖЕЛАРСКИЙ, Н. А. ПИОТРОВСКИЙ, Д. А. ПОЛКОВНИКОВ,
А. Б. РОГОЗЯНСКИЙ, А. В. ЦИПКОВ,
В. А. ЦИПКОВ

МОСКВА — 2017

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Я 41

Составитель А. В. Щипков

Я 41 Язык: Сборник статей о становлении русского дискурса/ сост.
А. В. Щипков — М, ПРОБЕЛ-2000, 2017. — 144 с.

ISBN 978-5-98604-613-6

Сборник «Язык» представляет собой завершение трилогии, начатой в 2013 году сборником статей «Перелом» и продолженной в 2015 году сборником «Плаха». Жанровая традиция, которой следуют авторы трилогии, связана со знаменитыми «Вехами» и так называемыми «веховидными сборниками» («Смена вех», «Из-под глыб» и др.), выходившими в свет в разные исторические периоды. Главной жанровой особенностью трилогии авторы предлагают считать прямое высказывание на общественно-политические темы, «политику поверх политики и вне политики». В числе тем «Языка» — историческая и современная семантика понятия «русский», современный либеральный язык, язык современного искусства и язык русской православной Церкви, концептосфера русской традиции. Как было и в предыдущих сборниках, авторы «Языка» не стремятся к идеологическому единообразию, но их объединяет общая повестка и общая проблематика.

ISBN 978-5-98604-613-6

© Щипков А.В., 2017

© ПРОБЕЛ-2000, 2017

Русский

Смена политических настроений влечёт смену политического языка и политического мышления. В XX веке в России дважды менялся язык — после революции 1917 года и в период перестройки с объявлением «нового политического мышления». В оборот вошли новые обращения к людям, названия улиц и городов, оценки исторических фигур, наименования главных государственных учреждений и даже самоназвание народа. Новый язык давал новый взгляд на мир, ценности, идентичность.

После перестройки и проведённых реформ в России утвердился либеральный политический язык — язык международного общения и современной западной культуры. Россия его усвоила, но в отличие от западного мира не успела им воспользоваться. Кризис постмодерна в культуре и закат эпохи однополярности в международных отношениях начали требовать новой парадигмы мышления и нового языка, способного адекватно описывать современный мир. Вчерашние базовые понятия стали рыхлыми и потеряли однозначность — свобода, права человека, мультикультурализм, демократические ценности, гражданское общество. Уже через десять лет после перестройки стало не хватать слов, чтобы власти и народу общаться между собой и с остальным миром.

Россия стала предлагать новый язык. С этого времени повторяющийся посыл выступлений российских

лидеров на международных площадках заключался в том, что мир стремительно меняется, а старая парадигма мышления его критически искажает, ведёт к непониманию и новым кризисам. При этом российский политический класс и интеллектуальная элита в последние годы начали приходить к мысли о том, что, прежде чем добиваться понимания от международного сообщества и экспортировать свой язык, необходимо укрепить собственный понятийный аппарат. То есть ответить для себя на вопросы о собственных ценностях и идентичности.

В. Путин в своём выступлении на заседании клуба «Валдай» в 2013 году фактически признал, что укрепление государства на внешнеполитической арене тормозится аморфностью внутренней картины общества, его ценностей и задач. Поэтому одним из ключевых вопросов современной России, по его словам, становится вопрос «кто мы?». Сам этот вопрос для страны с многовековой историей звучит с элементами трагизма, усиливающегося тем, что у народа России есть чувство собственной идентичности, но нет устойчивого самоназвания.

Мы называем себя россиянами, многонациональным и многоконфессиональным народом. К нам обращаются как к «гражданам России», а также определяют как союз братских народов. В последнее время, чтобы уйти от этих невыразительных имён, общество всё чаще олицетворяет себя с названием самого государства: «мы — Россия», «мы — Русский мир», «мы — Российская / Русская

цивилизация». В итоге так сложилось, что в геополитическом масштабе мы понимаем себя более ясно, чем в национальном, потому что название страны у нас звучит более конкретно и содержательно, чем наименование народа.

Самоопределение народа усложняется и на фоне укрепления его национальных меньшинств. Парад идентичностей в национальных республиках, начавшийся в 1990-е годы, сегодня достиг своего пика. В то время как после распада СССР Россия вошла в систему западной глобализации, её внутренние национальные регионы нашли точку опоры в стремительном локальном национализме. Россия испытала то, что сегодня модно называть глокализацией — одновременным процессом глобализации и локализации, то есть разложением государственной субъектности на национализм и глобализм.

Современная глобализация поощряет местный патриотизм больше, чем государственный. Быть патриотом отдельного субъекта федерации или отдельного российского города в глобальной парадигме более престижно, чем, например, быть патриотом Русского мира. Патриотизм же в масштабе крупного политического образования чаще называется «имперскими амбициями». Развиваясь, эта идея поощряет этнический изоляционизм, а также регионализм — процесс искусственного конструирования новых региональных идентичностей (новых сибиряков, калининградцев, поморов, ингерманландцев и других).

Эти обстоятельства стимулируют общество искать интегрирующие смыслы и названия. В качестве наиболее перспективной на сегодняшний день рассматривается идея России как страны-цивилизации, которая позволяет сформировать образ единого полиэтнического и поликонфессионального государства, базовыми элементами которого остаются русская культура и традиционные христианские ценности. Идея цивилизации становится политически востребованной, поскольку позволяет говорить об общем, избегая частных, и эффективно разрабатывать внешнюю доктрину, откладывая внутреннюю.

Однако баланс между внешней и внутренней (общенациональной) идентичностью в современной России хрупок. Образ России как участника международных отношений, бесспорно, ярок и содержателен. Мы хорошо знаем, кто мы в мире и в чём заключаются наши международные интересы. И международному сообществу сразу понятно, о ком говорится, когда речь заходит о России, потому для него мы оставались «Russians» всегда: и при царе, и при советской власти, и при либерализме. Ярко выраженной и понятной также является местная, этно-региональная идентичность российских национальных республик. Однако общенародная, консолидированная идентичность по-прежнему воспринимается жителями страны туманно и не успевает за динамикой как международных, так и внутренних регионалистских процессов. Народ России являет-

ся большой абстракцией и условным обобщением, понятие о нём не структурировано и не конкретно. Эту ситуацию закрепляет термин «россияне», который является в большей степени географическим, а не ценностным, и расширительным, а не конкретизирующим. «Россияне» не способны соединить глобальную идентичность России с развивающимися в российских регионах этническими идентичностями и стать механизмом культурно-исторической сборки народа. Получается, идентичность есть, а эффективно работающего термина нет. Отсюда рождаются странные вопросы, которые задаёт себе государство с тысячелетней историей.

Так сложилось, что после завершения советского периода использование термина «русские» стало символом идеологической власти. Безопасно применять его смогли те круги, которые руководили общественным мнением. Поэтому первоначально монополия на «русских» сохранялась исключительно у либерального дискурса. Затем стали появляться новые центры силы, влияющие на формирование информационной повестки дня, среди них — партии, армия, Церковь, новое политическое руководство и пр. Это послужило причиной, по которой у термина «русские» постепенно появились разные эмоциональные интерпретации, что привело к двум последствиям: во-первых, он перестал быть табуи-

рованным, а во-вторых, между его интерпретациями началась борьба.

Либерал-демократы

Либералы, пришедшие к власти в новой России, долгое время оставались единственной силой, у которой было право использовать слово «русский». В это время утвердилась своеобразная норма, что русским можно называть только то, что имеет либо антисоветский подтекст («Русская освободительная армия», «Русская мысль», «Русская служба Би-Би-Си»), либо является «новым русским», то есть вненациональным и не связанным с историческим русским народом («Русское радио», «Русский журнал»).

Термину «российский» в это время была отведена официальная роль. В этом слове не было ничего интеллектуального, идеологического и вообще яркого — «Российская газета», «российское общество», «российские власти». Исключительно «российскими» также стали музыка, история и армия. Единственным, что невозможно было переименовать, была русская литература. С одной стороны, введение «российской литературы» означало бы стилистическое усиление слова «российский», придания ему фундаментального значения и лишения его нейтрально-официозного смысла. Тем более сложно было бы назвать российскими писателями одновременно Пушкина, Достоевского, Булгакова и Набокова. С другой стороны,

новая интеллигенция 1990-х годов не хотела отказываться от всемирно известного бренда и его символического капитала. Примеряя статус русского писателя, она получала дополнительную возможность социализироваться в современном западном культурном и информационном пространстве. Осознавать себя русским писателем по-прежнему приятно и в Лондоне, и в Цюрихе.

Либерал-националисты

Тогда же в 1990-е годы в России появился необычный идеологический гибрид, совмещающий либерализм с русским национализмом. Частично он был заимствован у европейских национал-демократических и национал-либеральных партий, частично изобретался заново.

Либерал-националисты возникли и действуют за чертой или на грани допустимого политического дискурса и нередко являются маргиналами, впрочем, осознанно. Они являются ветвью российских либерал-демократов, а их роль заключается в том, чтобы карнавализовать и маргинализировать русскую тему, лишить её самостоятельности, не дать превратиться в консолидирующую силу. Они отнимают у термина «русское» ценностно-историческое содержание и наполняют его националистическим смыслом (Жириновский, Крылов, Просвирнин).

Кроме того, либерал-националисты создают в информационном пространстве искусственный

и управляемый градус русского национализма. С одной стороны, «русская угроза» легитимирует либерал-демократов и способствует укреплению мифа о том, что они остаются единственной силой, охраняющей в обществе начало цивилизации перед лицом националистического хаоса. С другой стороны, либерал-националисты не отказываются от политического ресурса русской темы. Они создают из русских образ угнетаемого меньшинства и загоняют их в психологическое гетто (мы за бедных, мы за русских), поскольку именно из меньшинств технологически состоит современное протестное движение (Белковский, Навальный, Национально-демократический альянс). В случае успеха их ждёт политическое эльдорадо: если сделать из большинства «меньшинство», то оно станет самым влиятельным меньшинством и достаточной силой для смены власти в стране.

Таким образом, либерал-националисты окрашивают термин «русские» в националистические тона, лишая его общекультурного содержания, а также применяют его в значении протестно настроенного политического меньшинства.

Новые модернисты

Либеральный подход строится на постмодернистских принципах и окрашивает термин «русские» в противоречивые тона. «Русское» стало означать и «антисоветское», и «тёмный национализм», и «угне-

таемое меньшинство». Попытки противостоять этой интонации привели к возрождению и укреплению в российском дискурсе модернистского подхода. Мировоззрение модерна и производных модернистских течений возникло и долгое время существовало как способ отрицания или по крайней мере коренного переосмысления Традиции. Однако в сегодняшних условиях модерн, уступивший место эпохи постмодерна, сам стремится занять нишу классики и стать новой традицией, главной антитезой постмодерна. Современный модерн пытается вложить в термин «русские» дух советского патриотизма, национализма и мягкого атеизма.

Фактически российские модернисты (Зюганов, Кургинян, Проханов) используют слово «русский» как частное проявление «советского» и конструируют новых «русских-советских». Отсюда берут своё начало все стилистические особенности этого подхода. Сегодня у модернистов русский народ предстаёт как, безусловно, народ имперский (в советском понимании), необязательно православный, но уважающий православие, безнадежно ностальгирующий по советским достижениям, стремящийся в большей степени к техническому развитию, чем к гуманитарному, а также к историческому реваншу за поражение в холодной войне. Образ русских в современном политическом модерне часто состоит из простого рабочего народа, не имеющего ярко выраженных национальных особенностей, но стремящегося к реставрации СССР или подобного сверхгосударства. Русская куль-

тура при таком подходе рассматривается скорее как стратегический элемент сохранения государственности, чем самоценность.

Современные модернисты используют концепт «русские» как простое неизменное целое, как обязательную деталь государственного каркаса. Основная особенность этого взгляда в том, что он лишён психологизма. Для него не существует вопросов Достоевского о природе русской души и метаисторических размышлений Соловьёва о русской идее.

Русское зарубежье

Особый взгляд на слово «русские» сформировался вокруг темы русского зарубежья, зазвучавшей в России с началом перестройки. Она соединила в себе интерес к жизни и творчеству русской эмиграции, дореволюционной России и утраченной дворянской культуре. Сильным толчком для пробуждения этого интереса послужило массовое издание в России научных и мемуарных трудов эмигрантских авторов в 1990-е годы. Вскоре после возвращения А. И. Солженицына в Москве был открыт Дом русского зарубежья, задачей которого стало сохранение и популяризация «духовной и материальной культуры русской эмиграции». Современное сообщество зарубежных не использует термин «российский»: только «русская эмиграция», «Русская Америка», «русская история», «русский путь», «Русский мир» и др.

Понятие «русские» в языке зарубежных ассоциируется с высшим, наиболее образованным сословием, хранителями высоких традиций исчезнувшей России, а также с неприятием большевизма и всей советской стилистики. Гражданская война в образе этого слова играет большее значение, чем любое другое историческое событие. Кроме того, многие эмигранты принадлежали к дворянам, поэтому и самоназвание «русские» приобрело у них оттенок высокой сословности, значение былого величия.

Наконец неотъемлемой семантической частью этой трактовки «русских» является православие, которое наравне с русским языком стало важнейшим атрибутом идентичности людей русского зарубежья. Православие играло важную идеологическую (осуждение гонений на Церковь советской властью) и символическую роль (православная обрядовость, церковнославянский язык воспроизводили образ до-революционной России). Русские общины за рубежом жили с чувством, что сохраняют историческую русскую веру и являются последними её носителями. Несмотря на то, что поколения эмигрантов физически, информационно и духовно погрузились в другую реальность, служили в армии, становились патриотами своих новых стран и постепенно забывали русский язык, именно православная самоидентификация зачастую позволяла им считать себя русскими.

Интонация русского зарубежья была для пост-советской России свежей и востребованной. Она

стала чуть ли не единственно возможной для выражения ностальгии по царскому времени. Позже, уже в 2000-е годы, затушевав в ней природный антибольшевизм, её переняли теоретики концепции Русского мира — российские историки и общественные деятели (Фонд исторической перспективы, Институт демократии и сотрудничества, Российский институт стратегических исследований, фонд «Русский мир» и другие).

Неоязычество

Националистические движения в новой России оказали сильное стилистическое влияние на современное звучание слова «русские». Несмотря на многообразие этих организаций (участники «Русского марша», НБП, неонацистские группы) и пестроту их идеологий (имперцы, гитлеровские, международные и славянские неонацисты и др.), их интонация сводится к единому восприятию русских — примитивно-языческому. Она включает выраженную неприязнь к иноплеменникам и идею о собственном генетическом превосходстве. В своей основе этот взгляд зиждется на мистике крови и биологическом языке. Мистика крови наполняет движения националистов эмоциональной энергией, а биологизм служит рациональной основой для устраивания и поддержания их учений. Эта интонация обращена в большей степени к люмпену, ей показана примитивность. Попытки неким образом

усложнить это языческо-биологическое понимание «русских» ведут к быстрому разложению идеологических конструкций подобных националистических движений. Православие, русская история, литература и философия являются малозначимыми факторами в учениях этих организаций, так как не играют решающей роли в вопросе о сохранении биологического вида. Иногда эти области прямо объявляются идеологически враждебными, а если и признаются, то используются формально, в отрыве от их христианского этического и нравственного содержания — для формирования неоязыческого русского стиля.

Наиболее близко к этому подходу стоят либерал-националисты. Неоязычники так же, как и либерал-националисты, изображают русское большинство в парадигме угнетаемого меньшинства и настроены против центральных властей, обвиняя их в неграмотной национальной политике. Главное отличие в том, что неоязычники вкладывают в слово «русские» нехристианский мистический пафос. Стилистический мистицизм окрашивает неоязыческих националистов (как правых, так и левых) и сам термин «русские» в тёмные тона. В то же время либерал-националисты остаются в светской, либеральной парадигме и редко увлекаются языческой мистикой. Тем не менее из-за идейной близости этих лагерей могут возникать трудности в проведении между ними разграничительной линии.

Антиглобалисты

Российские движения антиглобалистов развиты слабо, они своеобразны и только отдалённо могут напоминать западные аналоги. Их риторика тоже направлена на критику транснациональных корпораций, концепции золотого миллиарда, современной массовой культуры, принципов глобального капитализма и идеологии неолиберализма. Отличительная же особенность отечественных антиглобалистов — в широком использовании православной и патриотической стилистики («Русская народная линия», «Встань за веру, русская земля», «Союз православных хоругвеносцев», «диомидовцы», противники ИНН и др.). Они активно употребляют слово «русские», в которое вкладывают своё особое мироощущение. Обострённое эсхатологическое восприятие современного исторического процесса и взгляд на мир как на агрессивно-враждебную среду приводят их к оборонительной идеологии: русские — это окружённая крепость, остров добра в мире расползающегося глобализма. Это развивает у антиглобалистов конспирологический стиль мышления, а также два основных чувства: обречённости и избранности. Первое придаёт подобным движениям, как правило, депрессивную эмоциональную стилистику, второе — позволяет их участникам ощутить свою уникальность и надсторичность. Это непосредственно отражается на содержании используемого слова «русские»: русские в словаре антиглобалистов являются жертвой обмана

и тайного заговора мировых элит. Это избранный народ, он сохраняет в мире правду и становится по этой причине главной мишенью глобального зла, что ведёт к его гибели. Русский — тот, кто обречён на гибель.

Конспирологический способ мышления отечественных антиглобалистов толкает их к постоянному поиску тайных мотивов и замыслов в текущих общественно-политических событиях. Обнаруживая «скрытые смыслы», они их накапливают, обобщают и используют для построения собственного взгляда на мир, что зачастую ведёт к эзотеризму (например, в построении собственного эзотерического учения иногда обвиняют православных борцов с ИНН). В своей основе эзотерика происходит не только из склонности к мистицизму, но также из аналитического мышления — попыток рационально объяснить процессы, ощущаемые интуитивно.

Определённое влияние на формирование и распространение такого мышления оказало сообщество силовиков. Оно, с одной стороны, всегда ощущает себя над обществом, которое защищает, а с другой — существует в состоянии постоянной борьбы с угрозами и оппонентами, в том числе планируемыми — гипотетическими и воображаемыми. Важнейшей задачей силового сообщества является предвидеть угрозу там, где её не увидит простой человек. Это самоощущение избранности и работа с секретной информацией (тайным знанием) могут приводить к конспирологическому стилю мышления, проникающему и в публичное

пространство. Это косвенно подтверждается тем, что в России в начале 1990-х годов выходцы из силовых структур создали ряд известных эзотерических сект (например, КОБ).

Церковь

Восстановление храмов и приходской жизни в новой России привело к постепенной реабилитации церковного языка в информационном пространстве. Первые десять лет телеведущие произносили названия православных праздников и богослужебных терминов с большим трудом, путая ударения и запинаясь. Давало о себе знать не только отсутствие подобной лексики в советское время, но и устойчивое ощущение её табуированности: в советском обществе она была за гранью приемлемого дискурса. Впоследствии эта ситуация была преодолена. Сегодня светское общество научилось понимать церковную лексику, и сама Церковь стала разговаривать с обществом вне церковной ограды, всё чаще используя светский язык. Таким образом, на стыке церковной и светской лексики формируется современный язык Церкви, который оказывает влияние на все сферы общества, в том числе на значение слова «русские». Сегодня в Русской Православной Церкви существует два основных восприятия русской темы.

Первый подход основан на опыте русского зарубежья, он полностью отражает его эстетическую

и политическую стилистику, в которой «русскость» означает высший образованный класс, антибольшевизм, ностальгию по царской России. Он присущ в большей степени тем православным и духовенству, которые причисляют себя к интеллигенции, однако оказывает колоссальное влияние и на остальную часть Церкви.

Второй подход к «русскости» тесно связан с народным православием, деревенским бытом, натуральным хозяйством и экологией. Многие приходы воспринимают русскость и православие через образ утерянного крестьянского быта, который пытаются реконструировать. Этому подходу способствует уклад большого количества современных монастырей, которые занимаются животноводством и сельским хозяйством. От них пошло целое направление современной православной народной и экологической стилистики, основанной на идее чистого питания (монастырский хлеб, травяные сборы, мёд и другие продукты). Этот недеревенский стиль пользуется популярностью в современном урбанизированном обществе. Связывая русскую православную идентичность с селом и природой, Церковь фактически создаёт новую экологическую субкультуру.

Обе русские идентичности — «зарубежная» и «деревенская» — развиваются в Церкви параллельно и не враждуют между собой. Основные идеологические процессы происходят внутри «зарубежной» идентичности, которая за последние годы постепенно перестала вмещать всю сложность церковно-

общественных процессов в России. Сегодня в Церкви происходит её постепенная трансформация, в первую очередь через преодоление её антибольшевистской политизированности, характерной для эпохи холодной войны.

Как отмечалось выше, тему русского православия активно используют различные центры силы (модернисты, антиглобалисты, неоязычники и др.). Однако православная символика, наравне с любой другой, является для них строительным материалом. Они занимаются конструированием собственных дискурсов, которые нужно отграничивать от языка самой Церкви.

Russians

Участники современных политических дискуссий часто обращают внимание на то, что в большинстве иностранных языков (за исключением, например, белорусского и украинского) отсутствует понятие «российский». Общегражданская нация, как и национальность, на немецком, английском, французском, турецком и т.д. обозначается одним словом — русские. В России при изучении иностранных языков и подготовке переводчиков учат различать, в каких случаях иностранное «Russisch», «Russian», «Russe», «Rus» и т.д. нужно переводить как «русское», а в каких — как «российское».

Целостное восприятие иностранцами российского общества как русского можно почувствовать

в бытовом отношении, когда оказываешься за рубежом — там название приезжих из России меняется на «русские», независимо от их национальной принадлежности. Российские олимпийцы, оказавшись на соревнованиях в зарубежных странах, оказываются русскими спортсменами. Кроме того, иностранное «Russians» влияет на восприятие общегражданской нации и в России. Определение себя «русскими» в значении, стилистически близком к «Russians», часто можно встретить в Министерстве иностранных дел и армии. Сказывается привыкание к тому, что зарубежные партнёры и потенциальные противники тебя называют русским, а не российским. Кроме того, работает память о войнах, главным образом о Великой Отечественной войне, когда немцы шли войной не на россиян и не на многонациональный советский народ, а на русских. Великая Отечественная война сакрализовала понятие «русские», вывела его из узкого национального значения, сделала его историко-культурным, ценностным и распространила на весь народ.

Русская литература

Русская классическая литература сегодня остаётся почти единственной фундаментальной областью, где сохраняется вся сложность и одновременно целостность понятия о русском народе. По охвату и глубине она далеко опережает перечисленные выше факторы, включая память о пережитых народных вой-

нах. Русская литература описала русских как народ предельного нравственного и религиозного поиска, но не имеющий тяги к догматизированию; христианский и обладающий вселенским сознанием, но противный глобализму; подпольный, но лишённый маргинального самообмана; познающий мироздание через взгляд в собственную душу, но чуждый националистической этике.

Классическая литература не может самостоятельно преобразовывать современность. Несмотря на свою искренность и величие, она неизбежно будет становиться инструментом в руках творцов от мира. Литература является ценнейшим ресурсом, но не политической силой.

Трагический пафос расщеплённости понятия «русские» в современном русском языке не должен вводить нас в заблуждение. Многообразие «русских» свидетельствует не о слабости русской идентичности, а о многообразии сил, которые борются за право её трактовать.

После распада СССР и окончания бытия советского народа был введён термин «россияне». В течение 1990-х годов стало понятно, что ему не удаётся стать собирательным названием общенародной идентичности. «Российскость», родившаяся во время кризиса государственности, так и осталась сырой идеей, символизирующей эрзац-национальность эпохи ради-

кального либерализма. В это же время начались болезненные и стихийные поиски новой национальной идеи, которые были остановлены почти административно при новом руководстве в начале 2000-х годов, когда бесплодность этих поисков стала очевидной. С приходом к власти В. Путина в стране наступила большая эпоха внешней политики, при которой логика политического мышления исходила из приоритета международного над внутренним в решении дальнейшей судьбы России. Большинство политических побед этого периода связаны именно с внешней политикой: отражение агрессии в ходе «пятидневной войны», Таможенный союз, Олимпиада в Сочи, Крым, Сирия. И во внутренней политике основные преобразования связаны с попытками укротить и приручить агрессивный иностранный капитал в информационной и экономической сфере. За прошедшие с этого момента семнадцать лет международная идентичность России укрепилась настолько, что стало более престижно ассоциировать себя с названием страны, а не её народа. В современном русском политическом языке Россия — это больше, чем название государства. Это и цивилизация, и судьба, и ответственность.

Эта эпоха выполнила свою задачу и подходит к своему завершению. Если можно говорить о масштабах международной идентичности России, то в сегодняшних условиях она достигла своего максимума. Дальнейшее развитие страны упирается в неопределённость внутренней идентичности, что сегодняшнее политическое руководство осознаёт с полной ясностью.

Если первый этап охарактеризовался переходом от «россиян» к «России», то на втором этапе произойдёт переход от «России» к «русским», как собирательному названию общенародной идентичности, в основе которой лежат русский язык, русская культура и христианская этика — те элементы, на которые всегда опиралась российская государственность.

Во внутренней политической дискуссии сегодня намечается противостояние не между сторонниками «россиян» и «русских», а за интерпретацию самого понятия «русские». Ни одна из существующих сегодня трактовок не даёт чёткого фокуса. Объединить их, лишив либеральных и националистических отягощений, и сформировать ясный и открытый образ народа России — задача наступающей политической эпохи.

Василий Щипков

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	III
В. А. Щипков — Русский	3
Е. А. Белжеларский — Большая война	25
А. В. Щипков — Чужая речь	71
А. Б. Рогозянский — Освобождение традиции	94
Д. А. Полковников — Язык Церкви	111
Н. А. Пиотровский — Прямое высказывание	127

Я З Ы К

СБОРНИК СТАТЕЙ О СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ДИСКУРСА

Е. А. БЕЛЖЕЛАРСКИЙ, Н. А. ПИОТРОВСКИЙ, Д. А. ПОЛКОВНИКОВ,
А. Б. РОГОЗЯНСКИЙ, А. В. ЩИПКОВ,
В. А. ЩИПКОВ

Редактор

Анастасия Климова

Подписано в печать 07.04.2017
Формат 60х84/16. Объем 8,37 усл. печ.л.
Тираж 1000 экз. Отпечатано в России

ISBN 978-5-98604-613-6

Издательство «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru